Отзывъ М. А. Максимовича о поэмѣ Пушкина „ПОЛТАВА".

Извѣстно, сколько разнообразныхъ толковъ и сужденій вызвало въ тогдашней русской журналистикѣ появленіе этой поэмы. О ней судили вкривь и вкось, критиковали ее со стороны художественной, но преимущественно отыскивали въ ней якобы промахи историческіе. Главные упреки тогдашней критики сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: а) Пушкинъ исторически невѣрно понялъ характеръ Мазепы, изобразивъ гетмана—„патріота" какимъ-то злопамятнымъ и „глупымъ старичишкой"; б) Марія не могла быть влюбленной въ старика, а была увлечена тщеславіемъ, надѣясь стать гетманшей, и в) напрасно поэтъ вложилъ въ уста Мазепы пренебрежительный отзывъ о Карлѣ, какъ о „мальчишкѣ-сумасбродѣ". Какъ ни мало основательны были эти замѣчанія, потому что тогдашіе критики были мало знакомы съ исторіей Малороссіи, однако они задѣвали Пушкина, и онъ, оставляя безъ отвѣта другія критическія замѣчанія, направленныя противъ его поэмы, нашелъ нужнымъ печатно возражать противъ обвиненій, будто онъ разошелся съ исторіей. Современные коментаторы Пушкина, приводя подробныя выписки изъ этой любопытной полемики, почему-то обходятъ молчаніемъ наиболѣе основательный критическій отзывъ о поэмѣ „Полтавѣ", принадлежавшій юному тогда профессору бо-

таники въ Москов. ун—тѣ М. А. Максимовичу [illegible]ѣщенный имъ въ московскомъ журналѣ „Атенеѣ“ 1829 г.[1] Въ то время Максимовичъ не былъ еще присяжнымъ знатокомъ исторіи своей родины, какимъ сталъ впослѣдствіи, но онъ уже давно занимался собираніемъ историческихъ малороссійскихъ пѣсенъ и основательно изучилъ изданную еще въ 1822 году „Исторію Малой Россіи“ Д. Бантыша-Каменскаго, (которой руководствовался и Пушкинъ для „Полтавы“) и, какъ человѣкъ, одаренный историческою проницательностью, глубже и правильнѣе способенъ былъ понять событія прошедшей жизни своей родины. Отстраняясь отъ художественной оцѣнки, Максимовичъ въ означенной статьѣ занялся исключительно провѣркой того, насколько поэма „Полтава“ вѣрна историческимъ фактамъ, и выступилъ открыто апологетомъ Пушкина противъ обвиненій тогдашнихъ критиковъ. Хотя въ то время эпоха Мазепы далеко еще не была научно разработана, но нельзя не признать, что сужденія Максимовича о характерѣ гетмана, Маріи и др. лицъ въ общемъ правильны. Въ главныхъ чертахъ его аргументація повторена сильно Пушкинымъ въ „Критическихъ замѣткахъ“ о „Полтавѣ“, впервые напечатанныхъ въ „Денницѣ“ 1831 года.

Желая сохранить отъ забвенія эту во многихъ отношеніяхъ интересную историко-критическую статью М. А. Максимовича, помѣщенную 70 лѣтъ назадъ въ давно забытомъ журналѣ и почему-то не вошедшую въ полное собраніе его сочиненій, мы печатаемъ ее въ увѣренности, что она прочтется съ интересомъ именно въ настоящее время, когда вся Русь поминаетъ великаго поэта.

О поэмѣ Пушкина „Полтава“ въ историческомъ отношеніи.

Новая поэма Пушкина „Полтава“ болѣе, чѣмъ прежнія поэмы его, произвела разногласныхъ мнѣній и споровъ между читателями и критиками. По мнѣнію многихъ, поэтъ нашъ въ

---

[1]) Атеней 1829 г., май, стр. 501—515. Журналъ этотъ издавалъ М. Павловъ.

„Полтавѣ“ является мужественнѣе и сильнѣе, съ болѣе глубокимъ знаніемъ сердца и обширнѣйшими видами, чѣмъ въ прежнихъ произведеніяхъ; нѣкоторые обнаружили противное мнѣніе. Одни полагаютъ, что выгоднѣе было бы для поэмы характеры дѣйствующихъ лицъ измѣнить и возвысить по идеалу, чѣмъ стѣснить себя исторической вѣрностью, какъ сдѣлалъ Пушкинъ; другіе думаютъ, что показанный Пушкинымъ опытъ соединенія исторіи съ поэзіей, есть именно тотъ родъ, который наиболѣе сходственъ съ духомъ нашей народной поэзіи; третьи напротивъ говорятъ (С. О. № 15, 52 с.[1]), что въ поэмѣ Пушкина „всякое лице имѣетъ свой характеръ, но только не такой, какъ намъ представляетъ исторія, и слѣдовательно историческія событія разногласятъ съ вымышленными характерами“.

Рѣшить споры о поэмѣ и опредѣлить ея достоинство въ отношеніи эстетическомъ—есть дѣло людей, опытныхъ въ критикѣ изящнаго; но показать противное послѣднему изъ вышеприведенныхъ мнѣній можетъ всякій, кто съ размышленіемъ читалъ исторію Малороссіи. Руководствуясь оною, я намѣренъ въ сей статьѣ разобрать главнѣйшія возраженія, сдѣланныя критиками противъ исторической вѣрности дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ.

Сначала скажемъ о характерѣ Мазепы, какъ главнаго лица.

Говорятъ (С. О. 48 с.): „Мазепа въ поэмѣ жестоко обруганъ, но не представленъ въ томъ видѣ, какимъ представляетъ его исторія. Одна дума, сочиненная Мазепою и напечатанная въ исторіи Бантышъ-Каменскаго, сильнѣе рисуетъ характеръ Мазепы, нежели всѣ эпитеты, данные ему авторомъ поэмы.“ Итакъ, по мнѣнію критика, Мазепа былъ патріотъ. Но развѣ такимъ представляетъ его исторія? Совсѣмъ нѣтъ! Всѣ его дѣйствія нисколько не показываютъ въ немъ самоотверженной любви къ Малороссіи. Исторія представляетъ въ немъ хитраго, предпріимчиваго честолюбца и

---

[1]) Ссылка указываетъ *Сынъ Отечества и Сѣверн. Архивъ* 1829 г., гдѣ въ №№ 15 и 16 (стр. 36—52 и 102—119) помѣщена критическая статья о *Полтавѣ* Пушкина, подписанная тремя звѣздочками (***). *Ред.*

корыстника, который готовъ былъ ничего не пощадить „для себя", обличаетъ въ немъ характеръ несовмѣстный съ высокою любовію къ отечеству. Пушкинъ понялъ совершенно и объяснилъ сей характеръ, представивъ оный въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ зрѣетъ одиноко.
Какъ знать?—Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.
Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами старикъ болтливый
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ,
Съ ожесточеньемъ слезы льетъ,
Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
Не многимъ, можетъ быть, извѣстно,
Что духъ его неукротимъ,
Что радъ и честно, и безчестно
Вредить онъ недругамъ своимъ;
Что ни единой онъ обиды

Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ,
Что далеко преступны виды
Старикъ надменный простиралъ;
Что онъ не вѣдаетъ святыни,
Что онъ не помнитъ благостыни,
Что онъ не любитъ ничего,
Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
Что презираетъ онъ свободу,
Что нѣтъ отчизны для него.

Портретъ сей, принадлежащій къ лучшимъ мѣстамъ поэмы, такъ вѣренъ, что почти на каждый стихъ (еслибъ было нужно) можно привести подтвердительныя событія. Но довольно указать на нѣкоторыя, кои представляютъ намъ Мазепу въ настоящемъ его видѣ, и въ противоположность коимъ нѣтъ почти ни единаго добраго дѣла, коимъ хотя нѣсколько просвѣтилась бы темнота души его. Мазепа, выжитый польскими панами за волокитства изъ Варшавы, гдѣ получилъ блестящее образованіе, принятъ Самойловичемъ въ домъ и былъ 6 лѣтъ учителемъ его дѣтей. Послѣ того гетманъ Самойловичъ избавилъ его отъ Сибири за преданность Дорошенку, вывелъ его въ люди и всегда отличалъ его. Но когда Голицынъ, любимецъ Софіи, такъ неуспѣшно совершилъ безразсудный походъ свой противъ татаръ, то Мазепа, дабы угодить Голицыну и оправдать его, всю вину неудачи сложилъ на гетмана Самойловича, оклеветалъ его, сочинилъ доносъ и тѣмъ погубилъ своего благодѣтеля и его семейство; послѣ сего купилъ себѣ у Голицына гетманство. Но когда упалъ сей вельможа, Мазепа не преминулъ донесть Петру о взяткахъ, кои бралъ съ него Голицынъ, и различными происками, унижая другихъ и выставляя только себя, при помощи Головкина, онъ вкрался въ любовь государя и пользовался его неограниченною довѣренностію, въ которой Петръ уже поздно раскаивался. Чтобы завладѣть сокровищами удалаго и для него опаснаго Палѣя, Мазепа зазвалъ его къ себѣ, заключилъ въ темницу, а потомъ сослалъ въ ссылку; чтобъ погубить Микла-

шевскаго и Мировича [1]), онъ заставилъ ихъ съ горстью козаковъ защищать крѣпости противъ сильныхъ отрядовъ; требовалъ казни отца своей любовницы—Кочубея и Искры за справедливый на него доносъ. Послѣ того Мазепа соединяется съ Карломъ противъ Петра; но видя неудачу свою, опять обращается къ Петру съ предложеніемъ предать Карла. Напрасно предполагать, чтобы такія преступныя дѣйствія клонились къ освобожденію Малороссіи для ея блага: онъ не имѣлъ того въ виду и хотѣлъ сдѣлать ее независимою для себя, свою независимость хотѣлъ утвердить онъ, завладѣвъ Малороссіей. Доказательствами послужитъ то, что онъ никогда не соблюдалъ выгодъ Малороссіи и грабилъ ее; что онъ не имѣлъ, да, кажется, и не старался пріобрѣсть любви народной, и до того былъ нетерпимъ малороссіянами, что, вступая въ гетманство, долженъ былъ выговорить стрѣлецкій полкъ для охраненія своей личности и послѣ на своемъ иждивеніи содержалъ гвардію изъ заднѣпровской вольницы и волоховъ. Самое „нечестное" сватовство его и связь съ дочерью Кочубея Матроною (Маріею)—своею крестницею, родная сестра коей была за его племянникомъ Обидовскимъ, показываетъ сколько онъ уважалъ мнѣніе малороссіянъ, до чрезвычайности приверженныхъ къ своимъ обычаямъ.

Чтожъ касается до думы его, то ее, равно какъ и другую пѣсню Мазепы, [2]) подъ именемъ „Чайки" извѣстную, едвали можно принимать за чистую монету. Положимъ даже, что въ молодости—

Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
Когда судьба его не знала—

подлинно «утѣшалъ себя» (В. Е. №. 9. с. 27) мыслію:

Нехай вѣчна буде слава,
Же презъ шаблю маемъ права!

Но коль скоро открылись виды и пути къ его честолюбію онъ забылъ свою отчизну, если только Малороссія, а не

[1]) Сей Мировичъ былъ противникъ другихъ преданныхъ Мазепѣ Мировичей, предковъ извѣстнаго мятежника.

[2]) По преданіямъ, болѣе другихъ вѣроятнымъ.

„Польша" была его родиной. Съ большею однакожъ справедливостію, кажется, полагать должно, что Мазепа, обладая даромъ стихотворства и «умѣнья разгадывать сердца», слагалъ пѣсни сіи и утѣшалъ сими мыслями вольнолюбивыхъ и недовольныхъ козаковъ. Такъ и король польскій Владиславъ, для возбужденія козаковъ противъ Польши, писалъ къ нимъ: «когда вы есте воины добрые, саблю и силу имѣетъ, кто же вамъ за себя стать воспрещаетъ?» Здѣсь нѣтъ патріотизма, но желаніе Владислава усилить королевскую власть свою, въ то время уже ослабѣвшую въ Польшѣ, и письмомъ симъ воспользовался Хмельницкій для освобожденія Малороссіи отъ поляковъ.

Для критиковъ страннымъ кажется еще гнѣвъ Мазепы на Петра, за то, что онъ схватилъ его за усы—«за эту шутку» (С. О. 48)! Но это было совсѣмъ не въ шутку, и Петръ схватилъ за усы, или, по словамъ другихъ, далъ пощечину Мазепѣ, не просто какъ Ивану Степанычу, но какъ гетману малороссійскому съ угрозой.

Я слово „смѣлое" сказалъ.
Смутились гости молодые;
Царь вспыхнулъ, чашу уронилъ
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ
Отмстить себѣ я клятву далъ...

Такъ говоритъ и исторія. Мазепа приближеннымъ своимъ открывалъ гнѣвъ свой и ненависть къ Петру; въ возмутительной рѣчи своей къ войскамъ козачьимъ онъ говорилъ о сей обидѣ какъ объ оскорбленіи Малороссіи царемъ даже въ лицѣ гетмана. Нѣтъ сомнѣнія, что Мазепа, поднявши знамя бунта для другой цѣли, хотѣлъ вмѣстѣ и отмстить Петру за свою личную обиду.

Что касается до Кочубея и Искры, то мука и погибель ихъ за справедливый доносъ конечно возбуждаютъ состраданіе

къ нимъ и ненависть къ вѣроломному, неправедно восторжествовавшему тогда гетману. И кто бы не пожелалъ опровергнуть безпристрастную исторію, чтобы вмѣстѣ съ критиками, почтить ихъ именами героевъ? Но прочтите въ 3-мъ томѣ Исторіи Бантышъ-Каменскаго доносъ, вопросы и отвѣты и вы увидите, что только судіи пристрастные къ Мазепѣ, а не собственное величіе Кочубея, возложили на него вѣнецъ страдальческій. Малороссійская исторія нигдѣ не представляетъ его своимъ „героемъ", какіе были и прежде Кочубея и послѣ. Искра является „не героемъ", но только страдальцемъ «правоты».

Исторически извѣстно, что вражда Кочубея съ Мазепою возникла еще болѣе, чѣмъ за десять лѣтъ до заговора Мазепы, до похищенія Матрены, и посему заключить можно, что жажда мести въ Кочубеѣ была главнымъ побужденіемъ къ доносу. Посему Пушкинъ совершенно правъ, представляя въ Кочубеѣ оскорбленнаго отца, а не патріота.

Обвиняютъ Пушкина въ томъ, что онъ представилъ дочь Кочубея дѣйствительно влюбленною въ Мазепу, не вѣрятъ, да и вѣрить не хотятъ, что она могла влюбиться въ старика, и полагаютъ, что она всѣмъ пожертвовала не изъ любви къ Мазепѣ, „но изъ тщеславія, въ надеждѣ быть первою въ Малороссіи—панею гетманшею" (С. О. 43). Любовь сія есть конечно необыкновенное, нельзя сказать однакожъ небывалое, явленіе, покрайней мѣрѣ въ Матренѣ не подлежащее сомнѣнію. Мы не отрицаемъ любви въ образованной венеціанкѣ Дездемонѣ къ черному мавру, плѣнившему ее простодушными разсказами о своихъ подвигахъ. Тѣмъ болѣе влюбленный въ Матрену, образованный, краснорѣчивый, вкрадчивый въ сердца и опытный въ дѣлахъ любви Мазепа могъ привлечь сердце юной пламенной украинки и завладѣть имъ. Онъ могъ своею любовью, своими разсказами возбудить въ ней участіе къ себѣ, уваженіе, могъ даже пробудить въ ней и честолюбіе; но все это перешло наконецъ въ любовь, которая одна только и могла заставить ее

пренебречь всѣмъ, покинуть домъ отцовскій и отдаться Мазепѣ; ибо что за честь быть наложницею гетмана, особливо при тогдашнемъ образѣ мыслей? А что ей не представлялась иная доля и не было надежды быть гетманшею, это видно изъ писемъ, Мазепы, который ясно открылъ ей будущую участь:

„Мое сѐрденько! Опечалился я, услышавъ отъ дѣвки, что ты гнѣваешься на меня за то, что я не оставилъ тебя у себя, а отослалъ домой. Разсуди сама, чтобъ изъ того вышло. Первое, родственники твои разгласили бы по всему свѣту: взялъ у насъ ночью насильно дочь и держитъ у себя вмѣсто наложницы! Другая причина, что, державши тебя у себя, я никакъ бы не могъ вытриматы, да и ты тожъ; мы бъ принуждены были жить какъ супруги, а потомъ пришло бы неблагословеніе и проклятіе отъ церкви, чтобъ намъ не жить съ тобою"...

Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ:

„Тяжко соболѣзную о томъ, что не могу съ тобою подробно поговорить, какую отраду сдѣлать тебѣ въ теперешней печали; чего потребуешъ, скажи все этой дѣвкѣ; наконецъ, если они, твои проклятые, тебя отрекаются, иди въ монастырь, а я буду знать, что тогда съ тобою дѣлать"...

Самому вымыслить такую чудную любовь было-бы нѣсколько смѣло; но нашедши въ исторіи, Пушкинъ долженъ былъ воспользоваться ею.

Наконецъ еще одно нападеніе на характеры въ поэмѣ Пушкина, а именно на слѣдующіе, относящіеся къ Карлу XII-му стихи:

Ошибся въ этомъ Карлѣ я!
Онъ мальчикъ бойкой и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ;

---

[1]) Въ приложеніяхъ къ 3 тому Исторіи Бантышъ-Каменскаго напечатаны на малоросеійскомъ языкѣ 12 сихъ любопытныхъ писемъ Мазепы къ своей любовницѣ.

Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражью стану;
Свалить, какъ нынче, козака
И обмѣнять на рану рану;
Но не ему вести борьбу
Съ самодержавнымъ великаномъ:
Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Принудить хочетъ барабаномъ;
Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
И легкомысленъ, и кичливъ,
Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ;
Онъ силы новыя врага
Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ—
Сломить ему свои рога!
Стыжусь, воинственнымъ бродягой
Увлекся я на старость лѣтъ;
Былъ ослѣпленъ его отвагой
И бѣглымъ счастіемъ побѣдъ,
Какъ дѣва робкая.

Не знаю, что здѣсь страннаго показалось критикамъ? Отъ себя Пушкинъ говоритъ о Карлѣ иначе; а это слова Мазепы, который, соединясь съ Карломъ и узнавъ его ближе, увидѣлъ, что онъ „Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ“, перемѣнилъ о немъ свое прежнее мнѣніе: и вправѣ ли былъ обманувшійся шестидесяти-лѣтній старикъ назвать „мальчикомъ“ бойкимъ и отважнымъ юнаго героя, въ ту ночь, когда Карлъ въ запальчивости „обмѣнялъ рану на рану?“ Извѣстно, что онъ поѣхалъ съ двумя гвардейцами своими на рекогносцировку нашего лагеря и, наскакавъ на нѣсколькихъ козаковъ, самъ „свалилъ“ одного изъ нихъ; козаки стали стрѣлять по немъ, и одинъ гвардецъ былъ убитъ, а король тяжело раненъ въ ногу. Это было наканунѣ роковаго сраженія, и какъ же иначе, какъ не хвастовствомъ или удальствомъ (примѣры коего не разъ видимъ въ Карлѣ), называть сей запальчивый и безразсудный поступокъ, въ коемъ Карлъ рисковалъ быть убитымъ и который

много отнялъ духу бодрости у шведскихъ войскъ во время битвы, по признанію какъ шведскихъ, такъ и другихъ писателей.

Сіи слова, какъ мнѣ кажется, тѣмъ еще естественнѣе, что Мазепа говоритъ ихъ раболѣпной твари своей, Орлику, въ злобѣ на свою неудачу, слагая всю вину оною на Карла, который въ свою очередь также обманулся, слишкомъ положась на помощь, которую обѣщалъ ему Мазепа и, сверхъ чаянія своего, не могъ доставить. Извѣстно, что въ побѣгѣ своемъ послѣ битвы, переправляясь черезъ Днѣпръ на рыбачьихъ лодкахъ и прощаясь съ Левенгауптомъ, Карлъ сказалъ Мазепѣ со вздохомъ: „ты, Мазепа, погубилъ меня и войско мое своими обнадеживаніями".

Изъ всего сказаннаго, кажется, очевидно, что характеры дѣйствующихъ лицъ въ поэмѣ Пушкина таковы, какими представляетъ ихъ исторія; и если находится противурѣчіе поэмы съ исторіею, то не въ характерахъ лицъ, а въ томъ только, по моему мнѣнію, что украинцы—„друзья кровавой страны", не желали соединиться со шведомъ противъ Россіи „и не ждали нетерпѣливо Карла", какъ говоритъ Пушкинъ. Малороссіяне, приверженные къ греческому исповѣданію, всегда предпочитали единовѣрныхъ москвитянъ „бусурманамъ"—шведамъ, не говоря уже о „нехристахъ туркахъ" и „зрадливыхъ" ляхахъ. Во время пребыванія шведскихъ войскъ въ Украйнѣ, малороссіяне до половины истребили ихъ; а когда Мазепа, развивъ знамя бунта, объявилъ что онъ отлагается отъ Россіи и соединяется съ шведомъ, то войскà оставили его.

М. Максимовичъ.

